

ТЕОРИЯ «КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ» И ЕЕ РОЛЬ В СОВРЕМЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Метафора имеет длительную историю изучения. Как объект философской и теоретической рефлексии метафора была вычленена еще в античности, с тех пор теоретическое знание постоянно возвращается к осмыслению этого феномена языка и сознания человека. Метафора, по образному выражению В. В. Петрова, представляет собой золотую жилу, в которой «много самородков и самые крупные еще не найдены» [Петров, 1990: 143]. Каждое направление в лингвистике предлагает свое понимание метафоры, свою классификацию ее функций, новые методики изучения.

Переход на антропоцентрическую парадигму исследования языковых фактов обусловил новые пути исследования единиц метафорического плана, метафора стала ключевым понятием при изучении концептуальных систем, что и определяет *актуальность* данного исследования. Ведь метафора в когнитивной парадигме исследований – «это нечто совершенно иное, чем метафора в структурной, психолингвистической или какой-то иной парадигме» [Чудинов, 2004: 80]. Существует необходимость в обобщении основных положений теории концептуальной метафоры и выявлении базовых предпосылок ее возникновения.

Более ранние теории, начиная с античности, рассматривали метафору преимущественно с точки зрения языковой формы (перенос имени на несвойственный ему денотат) и трактовали ее как средство украшения речи и реализации поэтической функции языка, т. е. метафора изучалась как исключительно языковое явление, связанное со словом, а не с мыслью или ментальными операциями.

Сама идея о том, что метафора концептуальна по своей природе, не является абсолютно новой. В обзоре, посвященном концептуальной метафоре, представлен экскурс в историю данного феномена, в котором указывается, что еще Аристотель «в своем детальном исследовании образного языка говорил (что для многих исследователей его творчества покажется новым), что при метафоризации как переносе некоторого признака как одного объекта к другому, данный процесс осуществляется на основе концептуальных отношений – категориальных или по аналогии» [Шабанова, 1999: 161].

И. Ричардс в работе 1936 года утверждал, что «мышление метафорично ... и оттуда [из мышления] происходят языковые метафоры», а К. Льюис предположил, что понимание одной истории фигурально, посредством другой истории, относится не столько к процессам выражения и не столько к литературе, сколько к мышлению в целом, и представляет собой основной когнитивный инструмент (подробнее о предпосылках формирования концептуального подхода к метафоре см. [Шабанова, 1999: 161–162]).

Таким образом, положение о возможности получать и выражать новое знание

посредством метафор первоначально было выражено имплицитно (работы Аристотеля, К. Льюиса, Ф. Ницше, И. Ричардса и др.), находилось на дальней периферии исследовательского внимания, и лишь относительно недавно оно стало ведущим, в метафоре отчетливо увидели «ключ к пониманию основ мышления и процессов создания не только национально-специфического образа мира, но и его универсального образа» [Арутюнова, 1990: 6].

С середины XX в. метафора начинает изучаться как «способ создания языковой картины мира, возникающей в результате когнитивного манипулирования уже имеющимися в языке значениями с целью создания новых концептов, особенно для тех сфер отражения действительности, которые не даны в непосредственных ощущениях» [Телия, 1988: 3]. Начинает формироваться теория концептуальной метафоры.

В современных лингвистических разработках для обозначения данного феномена используются два равнозначных термина – «концептуальная метафора» и «когнитивная метафора». Первый ориентирован на связь с терминами «концептуализация» и «концепт», второй сопряжен с понятием «когнитивизм». В настоящем пособии используется термин «концептуальная метафора», что обусловлено его традиционностью, связью с исходной концепцией Дж. Лакоффа и М. Джонсона.

В настоящий момент разграничение образной и концептуальной метафоры является вполне устоявшимся и присутствует в работах как зарубежных (М. Блек, Дж. Лакофф и М. Джонсон и др.), так и отечественных (Н. Д. Арутюнова, Е. О. Опарина, В. Н. Телия и др.) лингвистов. Активная разработка теории концептуальной метафоры российскими исследователями объясняется устоявшейся традицией изучения метафоры в традиционном системно-структурном аспекте. Так, в отечественном языкознании особо интенсивно развивалась теория регулярной многозначности (Ю. Д. Апресян, Л. В. Балашова, А. П. Чудинов, Д. Н. Шмелев) и исследование вещной (вещественной) коннотации абстрактных существительных [Б. А. Успенский, 1979; М. К. Головановская, 1997]. Данные направления анализа метафоры, не ставя перед собой собственно когнитивных целей, по сути, во многом решали именно их. В настоящий момент уже можно говорить о том, что современные работы по концептуальной метафоре стремятся учесть достижения как семасиологического, так и собственно когнитивного подхода (см. работы Л. В. Балашовой, О. Н. Лагуты, А. П. Чудинова и др.)

Основоположниками теории концептуальной метафоры по праву считаются Дж. Лакофф и М. Джонсон, труд которых «Метафоры, которыми мы живем» (1980, перевод на русский язык – 1987) стал базовым для большинства исследователей феномена метафоры. Согласно концепции Дж. Лакоффа и М. Джонсона, «...метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии. Наша *обыденная* (выделено нами. – О. К.) понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по своей сути» (Лакофф, Джонсон, 1990: 387). Таким образом, заслуга Дж. Лакоффа и М. Джонсона состоит в эксплицировании того обстоятельства, что метафора не ограничивается сферой языка, как это ранее считалось, но распространяется и на сферу мышления. «П р о ц е с с ы мышления человека в значительной степени метафоричны. ... Метафоры как языковые выражения становятся возможны именно потому, что существуют метафоры в понятийной системе человека», – говорится в их работе [Лакофф, Джонсон,

1990: 390].

Основные положения теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона получают широкое распространение и начинают активно разрабатываться в рамках нового когнитивного подхода к языковым фактам. Интерес к метафоре когнитивной науки «связан с ее представлением как языкового явления, отображающего базовый когнитивный процесс» [Петров, 1990: 139], метафора начинает рассматриваться как «глобальное свойство языка, один из способов мышления о мире и познания мира» [Балашова, 1998: 3]. Таким образом, метафоре отводится центральная роль в понимании и структурировании действительности.

При восприятии и осмыслении мира человеческим сознанием значительна роль не индукции и дедукции, а аналогии. Человек осознает неизвестное через известное, абстрактное – через конкретное, т.е. происходит перенос знаний из одной содержательной области в другую. Метафора «отвечает способности человека улавливать и создавать сходство между очень разными индивидами и классами объектов... Эта способность играет громадную роль как в практическом, так и в теоретическом мышлении» [Арутюнова, 1990: 15]. С этой точки зрения, «метафора является языковым отображением крайне важных аналоговых процессов» [Петров, 1990: 189], поскольку вербальное существование метафор становится возможным только потому, что существуют метафоры в понятийной системе человека.

Аналоговый механизм метафоры в познании был также отмечен Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, указавшими, что «*сущность метафоры состоит в осмыслении и переживании явлений одного рода в терминах явлений другого рода...* Тем самым понятие упорядочивается метафорически, и, следовательно, язык также упорядочивается метафорически» [Лакофф, Джонсон, 1990: 389]. Таким образом, вполне очевидно, что метафора – это не просто образное средство, связывающее два значения слова, а «основная ментальная операция, которая объединяет две понятийные сферы и создает возможности использовать потенциал сферы-источника при концептуализации новой сферы» [Чудинов, 2001: 36].

Механизм метафорической концептуализации может быть описан следующим образом. До стадии метафоризации вербализованного понятия не существует, но существует некоторое предварительное знание о нем, позволяющее представить приблизительно объем понятия. Это предварительное знание об обозначаемом определяет выбор языкового средства, задавая определенные смысловые параметры. Затем непосредственно ненаблюдаемые мыслительные сущности соотносятся через метафору с более простыми или конкретно наблюдаемыми мыслительными сущностями, «происходит перенос концептуализации наблюдаемого мыслительного пространства на непосредственно ненаблюдаемое, которое в этом процессе концептуализируется и включается в общую концептуальную систему данной языковой общности» [КСКТ, 1996: 55].

В концептуальной метафоре «вспомогательный компонент ... не только дает имя обозначаемому, но и является основой для его осмысления, для вычленения и включения в новое значение важных, с точки зрения говорящего, сторон объекта» [Опарина, 1988: 70]. Метафорический перенос не произволен, существует некое содержание, инвариантно присутствующее в областях Источника и Цели, которое и составляет основание переноса [Новоселова, 2002].

Все исследования метафоры так или иначе основаны на идее переноса. Еще

Аристотель указал, что метафора – это имя, перенесенное с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии. Именно «детализация этой идеи – что и как переносится – лежит в основе многочисленных подходов к метафоре» [Петров, 1990: 135]. Согласно теории концептуальной метафоры, «переносу» подвергается не изолированное имя (с присущим ему прямым номинативным значением), а целостная концептуальная структура (схема, фрейм, модель, сценарий), активируемая некоторым словом (фокусом метафоры) в сознании носителя языка благодаря конвенциональной связи данного слова с данной конвенциональной структурой» [Кобозева, 2002].

В обзоре по концептуальной метафоре также акцентируется внимание на данной особенности. Метафора определяется как понимание и ощущение одного явления в терминах другого, «при этом под явлением понимается не отдельно изолированный объект, как в случаях традиционного подхода к метафоре, а целостная картина видимого реального мира, которая используется для репрезентации и осмысления объемного и многоаспектного явления» [Шабанова, 1999: 159–160].

Своеобразие концептуальной метафоры, следовательно, состоит в том, что в ее основе «лежат не значения слов и не объективно существующие категории, а сформировавшиеся в сознании человека концепты. Эти концепты содержат представления человека о свойствах самого человека и окружающего его мира» [Чудинов, 2001: 52].

Метафорической концептуализации подвергаются понятия абстрактные. Уже Ш. Балли писал, что «мы уподобляем абстрактные понятия предметам чувственного мира, ибо для нас это единственный способ познать их и ознакомить с ними других» [Балли, 1961: 221]. Эту особенность отмечают все без исключения исследователи концептуальной метафоры. Н. Д. Арутюнова совершенно справедливо заметила, что «без метафоры не существовало бы лексик «невидимых миров» (внутренней жизни человека), зоны вторичных предикатов, то есть предикатов, характеризующих абстрактные понятия» [Арутюнова, 1990: 9]. О. Е. Опарина пишет о концептуализации «непредметных сущностей» или «объектов невидимого мира» (Опарина, 1988), Л. Г. Лузина – «непосредственно ненаблюдаемых мыслительных пространств» [КСКТ, 1996], А. А. Новоселова – «понятиях, недоступных в прямом физическом опыте» [Новоселова, 2002].

Первоначально в качестве основной сферы бытования концептуальной метафоры выделяли только обыденную сферу. Дж. Лакофф и М. Джонсон постоянно упоминали о метафоричности в «обыденной понятийной системе», «обыденном способе ведения спора», «повседневном опыте и поведении» [Лакофф, Джонсон, 1990: 387]. Позднее обнаружилось, что область действия концептуальной метафоры несколько шире.

В. Н. Телия называет основными областями функционирования концептуальной метафоры научную, публицистическую речь и обиходно-бытовой язык, особенно в тех областях, которые связаны со сферами мышления, чувств, социальных акций, морали т. п. [Телия, 1988: 195]. О. Е. Опарина отмечает, что преимущественными сферами функционирования концептуальной метафоры являются «обиходно-бытовая, общественно-политическая и научная, включая научно-популярную разновидность, т. е. все основные сферы, где наиболее часто возникает необходимость в обозначении объектов «невидимого мира» с отображением их объективных свойств» [Опарина, 1988: 66–67].

В сфере непредметных сущностей, с которыми связана концептуальная метафора, можно выделить: человеческую сферу, т. е. обозначения эмоций, мыслей, видов деятельности, свойственных человеку; сферу явлений и процессов общественной жизни; явления и процессы, изучаемые наукой [Опарина, 1988: 69].

Уже в работе Дж. Лакоффа и М. Джонсона представлена типология базовых концептуальных метафор, порождающих массу метафор более частных и находящих свое выражение в конкретном языковом материале. Данная классификация получает развитие и в трудах других лингвистов, хотя «у этой типологии нет единого классификационного критерия, поэтому большой материал остается за ее границами» [Лагута, 2003: 108]. Но более совершенной классификации пока не создано, и в исследованиях до настоящего времени присутствует с некоторыми модификациями следующая типология базовых метафор, восходящая к концепции Дж. Лакоффа и М. Джонсона.

1. Структурные – одно понятие структурно метафорически упорядочивается в терминах другого. Концептуализируют отдельные области, путем переноса на них структурной организации других областей (любовь / жизнь – это путешествие).

2. Ориентационные – организация целой системы, понятий по образцу некоторой другой системы. Большинство понятий подобного рода связано с пространственной ориентацией, с базовыми пространственными оппозициями «верх-низ», «внутри-снаружи», «правый-левый» и т. п. (радость, здоровье, успех – верх, грусть, болезнь, неудача – низ).

3. Онтологические – осмысление опыта в терминах объектов, веществ и субстанций, что позволяет вычленять некоторые части опыта и трактовать их как дискретные сущности или вещества некоторого единого типа (инфляция – это сущность, психика – это хрупкий предмет).

4. Метафоры канала связи – представляют процесс коммуникации как движение смыслов, наполняющих языковые выражения, по каналу, связывающему говорящего и слушающего.

5. Строительные (метафоры конструирования) – представляет смысл крупных речевых произведений как «конструкцию» из менее мелких «блоков»–смыслов.

6. Контейнерные – представляющие смыслы как наполнение конкретных языковых единиц.

При метафорической концептуализации одно и то же «мыслительное пространство» может быть представлено посредством одной или нескольких концептуальных метафор» [КСКТ, 1996: 55]. Например, душа может уподобляться человеку, растению, сосуду, дому, зеркалу, музыкальному инструменту, и это далеко не полный список концептуальных метафор. В результате происходит экспликация различных сторон познаваемого объекта, что позволяет выделить его существенные свойства и воссоздать его целостный образ.

Немаловажное значение в теории концептуальной метафоры имеет вопрос о связи метафоры и культуры. Данная проблема имеет два аспекта. Во-первых, вопрос о согласованности метафор с культурными ценностями. Дж. Лакофф и М. Джонсон утверждали, что «те ценности, которые реально существуют и глубоко укоренились в культуре, согласуются с метафорической системой». При этом культурные ценности существуют не изолированно друг от друга, а должны образовывать согласованную систему вместе с метафорическими

понятиями, в мире которых протекает наша жизнь [Лакофф, Джонсон, 1990: 405].

Во-вторых, проблема универсальности концептуальных метафор. Так уже у Дж. Лакоффа и М. Джонсона присутствует упоминание о том, что не все культуры распределяют приоритеты по ориентационной шкале «верх-низ», существуют культуры, в которых более существенную роль играют понятия равновесия или расположения относительно центра. Это позволяет данным авторам сделать вывод, что главные ориентационные шкалы представляются общими для всех культур, но виды ориентации, принятые для конкретных понятий, роль ориентационных принципов, с точки зрения их приоритетности, «варьируются от культуры к культуре (выделено нами. – О.К.)» [Лакофф, Джонсон, 1990: 407]. Следовательно, можно сделать вывод, что базовые концептуальные метафоры в значительной степени универсальны (например, метафора контейнера), но возникающие на их основе метафоры более частного характера могут обнаруживать некоторые специфические особенности.

Таким образом, в теории концептуальной метафоры развивается положение о связи метафор с мировосприятием определенной лингвокультурной общности. Метафорические стратегии отражают культурные традиции выбора средств осмысления абстрактных категорий, существование которых обусловлено различными экстралингвистическими факторами (территориальными, климатическими, социальными), типичными для конкретного языкового коллектива [Новоселова, 2002]. Концептуальная метафора, подобно любой метафоре, проходит через стадию образа. Ее отличие заключается в конечном результате, «она стремится освободиться от образности» [Опарина, 1988: 67]. На эту же особенность концептуальной метафоры, по сути дела, указывает и О. Н. Лагута, по наблюдениям которой «на концептуальном уровне метафоричность снимается сразу же после того, как заканчивается формирование концепта» [Лагута, 2003: 106]. Это и дает право исследователям сделать вывод, что теория концептуальной метафоры нацелена прежде всего «на выявление глубинных переносов концептов, лежащих в основе обыденного употребления языка, которое воспринимается нами уже как буквальное, а не фигуральное (выделено нами. – О. К.)» [Кобозева, 2002].

Таким образом, теория концептуальной метафоры является активно разрабатываемой областью когнитивных исследований. Постановка вопроса о концептуальной метафоре и ее функционировании в языке и речи позволила начать серьезные исследования в области мыслительных процессов человека. Метафора является инструментом мышления и познания мира, она отражает фундаментальные культурные ценности, так как основана на национально-культурном мировидении. Именно метафора «активно участвует в формировании личностной модели мира, играет крайне важную роль в интеграции ментальной и чувственно-образной систем человека, а также является ключевым элементом категоризации языка, мышления и восприятия» [Петров, 1990: 135], что и обусловило столь пристальное внимание к данному феномену когнитивной лингвистики и лингвокультурологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н.Д. Введение // Теория метафоры / под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – С. 3-9.
2. Балашова, Л. В. Роль метафоризации в становлении и развитии лексико-семантической

- системы (на материале русского языка XI-XIV вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. В. Балашова. – Саратов, 1998. – 42 с.
3. Балли, Ш. Французская стилистика. – М.: Наука, 1961.
4. Головановская, М. К. Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка / М. К. Головановская. – М.: Филологический факультет МГУ, 1997. – 280 с.
5. Кобозева, И. М. К формальной репрезентации метафор в рамках когнитивного подхода / И. М. Кобозева // www.dialog21.ru/archive_article.asp?param=7339&y=2002&vol=6077
6. Краткий словарь когнитивных терминов / Под. общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М.: Филол. ф-т МГУ, 1996. – 247 с.
7. Лагута, О. Н. Метафорология: теоретические аспекты / О. Н. Лагута. – Новосибирск: НГУ, 2003. – Ч. 1–2.
8. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонс // Теория метафоры / под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – С. 387–416.
9. Новоселова, А. А. Метафорическая концептуализация сознания в русском и английском языках / А. А. Новоселова // www.dialog21.ru/archive_article.asp?param=7362&y=2002&vol=6077
10. Опарина, Е. О. Концептуальная метафора / Е. О. Опарина // Метафора в языке и тексте / отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Наука, 1988. – С. 65–77.
11. Петров, В. В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу / В. В. Петров // Вопросы языкознания. – 1990. – № 3. – С. 135–138.
12. Телия, В. Н. Метафоризация и ее роль в создании русской языковой картины мира / В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – С. 173–204.
13. Успенский, Б. А. О вещных коннотациях абстрактных существительных / Б. А. Успенский // Семиотика и информатика. – М., 1979. – Вып. 14. – С. 142–148.
14. Шабанова, Е. Л. Концептуальная метафора: Направления в исследовании (обзор) / Е. Л. Шабанова // Реферативный журнал. Языкознание 1999. – № 1. – С. 158–176.
15. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000) / А. П. Чудинов. – Екатеринбург: УрГПУ, 2001. – 238 с.
16. Чудинов, А.П. Учение о метафоре в когнитивной лингвистике / А. П. Чудинов // Проблемы языковой концептуализации и категоризации действительности. – Екатеринбург: УрГПУ, 2004. – 72–81.